

Я — человек, переходящий поле
на фоне остывающего дня.
Слегка сутулый. Мужеского пола.
Из поезда вы видите меня.

Я частью заурядного пейзажа
в окне возник на несколько секунд,
и вот — исчез. Не велика пропажа.
Мое существование пресекут,

сменив картинку — показав овражек
и дальний лес, и ферму вдалеке,
и скучную толпу многоэтажек,
пока томится курица в фольге,

пока, томясь в дорожном разговоре,
вы будете поглядывать в окно
и думать про обещанное море,
и море вдруг появится. Оно

в немолчном плеске, в непрерывной пляске
зальет собой вагонное стекло,
вобрав в себя все линии и краски,
запомнив всё, что было и прошло.

И всё пребудет в нем — трава и камни,
раскаты грома и гуденье пчел,
и стук колес, и поле с васильками,
и человек, что поле перешел.

* * *

Ты сошел с электрички, как сходят обычно с ума.
В этом дымном пейзаже опять ничего не узнав, ты
по платформе прошел, где прошла перед этим зима,
и на землю ступил — как на лунную пыль астронавты.

Одряхлевшего дома несносен открывшийся вид.
Лошадиные ребра теплиц... От унылого взгляда
твоего это всё очень скоро листва заслонит —
для того и придумана вся бутафория сада.

Будет бабочек бал на краю самой черной дыры,
и наполнится слух колокольчиками Птицелова.
Нам природа готовит лоскутные эти дары,
занавески ажурные — за наименьшем другого.

Ну а как с остальным? Разговорами, полками книг,
посещением оперы, тяжким запоем работы
ты спасайся, как можешь. Но взор утомленный приник,
непослушный, к стеклу, за которым не виды — пустоты.

Уезжай, уезжай из апреля бездомного прочь,
променяв этот мир на грошовый уют электрички,
и поняв, наконец, что никто нам не сможет помочь.
Долгожданной весне улыбайся во сне по привычке.

* * *

По улице Потемкинской в потемках
идешь от фонаря до фонаря,
ища фасад в коричневых потеках —
там черной арки рваная ноздря,
там в комнате под музыку плохую
ненужный разговор и водка ждет...
Туда, куда в такую ночь глухую
никто своей охотой не идет,
несешь свою тоску, свою обиду.
А между тем, достаточно свернуть
на улице Таврической — в Тавриду,
в Аркадию, еще куда-нибудь
сквозь облака... Там места нет обидам,
оттуда жизнь, упругая на вид,
твоя тебе покажется Аидом,
где с тенью тень печально говорит.

* * *

Поближе к сирени, поближе
к листве, где свистят соловьи,
к черемухе этой, бесстыже
раскинувшей кисти свои —

так, чтобы лицо утонуло
в надушенных их кружевах...
Подальше от гуда и гула,
поближе к табличкам Катулла —
оконцам, светящим впотьмах.

К старинным, с истресканным глянецом,
поблекшим в своем далеке
живым флорентийцам, голландцам,
к Венере и Флоре в венке.

Поближе бы к синему морю,
мизинец хотя б окунуть!
Да, всё это рядом, не спорю,
но всё же — поближе б чуть-чуть.

К Тебе бы поближе — о дай же
лицо мне увидеть Твоё!
И только от смерти подальше.
А впрочем, куда без неё?

* * *

Договоримся: жить и не строить планов,
надежд не питать, не рассчитывать на взаимность.
Жизнь равнодушно меж трезвых пройдет и пьяных.
Договоримся: от будущих не зависеть

дней, никогда не мозолить глаза невнятной
далью грядущей, где встречи и расставанья.
Жить перспективой? Пожалуйста. Но — обратной,
чтобы большое не виделось на расстоянии.

Где этот мир, распадающийся на части?
Только пейзаж за окном, да и тот зашторен.
Договоримся же не говорить о счастье.
Есть ли оно? На что нам оно? За что нам?

* * *

Жизнь оказалась немного не тем, что казалось.
Вечер на кухне: у воздуха привкус боржоми,
хлеб и кефир на столе, на экране — мерзавец
падает ниц, благородной рукою сраженный.

Переключаешь канал — половецкие пляски.
Где-то в ночи надывается скорая помощь.
Ты никогда не мечтал о подобной развязке.
Разве не так? Или, всё же, мечтал, но не помнишь?

Брось, дуралей, всё сбылось, даже приступы новой
этой тоски, ты подслушал ее в разговорах
тех, кому за — на такой же вот кухне, готовый
чуть не полжизни отдать за дымок «Беломора»,

за седину в бороде, за все ахи и вздохи,
за раздражаться и сетовать горькое право,
гнать, ненавидеть, терпеть, быть продуктом эпохи
и не зависеть от предупреждений Минздрава.

* * *

Мой ангел-хранитель, трудяга,
спасибо тебе, виртуоз,
что вместе со мной из сельмага
в юдоли печали и слез
идешь незаметный, готовый
сразиться с печалью моей,
которую маг продуктовый,
как видишь, не сделал светлей.
Ты облако к ветке приладишь,
и битым стеклом засверкав,
весьма аккуратно посадишь
лимонницу мне на рукав.
Не ты ли — вон тот мокроносый,
в траве суевающийся еж?
Отчаянью палки в колеса
как ловко, колючий, суешь!
И так увлечешься, ей-богу,
что вдруг усомнится душа,
в себя приходя понемногу:
не слишком ли жизнь хороша?

* * *

Мелькают лица в пластиковой раме
и этот мир летит в тартарары.
Но где-то есть — под нами ли, над нами —
иные, параллельные миры.

Никак не оторваться от экрана.
Наверно, там всё так же, как у нас:
ложатся поздно, вскакивают рано,
в подъезде мусор, а в квартире газ...

— Переключи, пожалуйста, нет мочи
всё это слушать... Впрочем, спать пора.
Как хочешь, я пошла. Спокойной ночи.
И не засиживайся до утра.

...«Спокойной но...», — из жизни параллельной
летят слова, я их едва ловлю.
...Но где-то мир сияет во Вселенной,
где я тебя жалею и люблю

не так, как здесь, развинченно и снуло,
с поправкой на давление и быт.
На кнопку «off» нажав, встаешь со стула,
глядишь в окно, а там — звезда горит.